

Сизова Александра Константиновна

**Механик-самоучка Иван
Кулибин**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А46

А46 **Александра Константиновна С.**
Механик-самоучка Иван Кулибин / Сизова Александра Константиновна – М.:
Книга по Требованию, 2026. – 41 с.

ISBN 978-5-519-73469-1

ISBN 978-5-519-73469-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Мальчикъ продолжалъ по прежнему неумоимо работать и когда совсѣмъ устроилъ, потащилъ посмотреть и мать.

Та была сильно удивлена и на радостяхъ общала мальчику купить полъ-сотни карасей и пустить въ новый прудъ.

— Пустимъ вотъ такихъ маленькихъ, съ палецъ величиной, а тамъ имъ привольно будетъ, хорошо, они и подрастутъ.

Настало время отдать мальчика въ ученье. Въ то время не было еще общедоступныхъ школъ, и мало было учителей, способныхъ обучать грамотѣ. Первыми грамотѣями были церковнослужители. И вотъ дьячку поручилъ отецъ обучать Ваню грамотѣ.

— Преподай ты ему часословъ, псалтирь, ну и всякую эту книжную мудрость.

Баня такъ прилежно сталъ заниматься, что мать, опасаясь за его здоровье, съ грустью говорила отцу:

— Гляди-ка, хозяинъ, нашъ то Ванюшка, отъ пищи совсѣмъ отсталъ, все надъ книгами убивается.

— Это ты по твоему бабьему уразумѣнію такъ глупо болтаешь; вѣстимо, не баловаться же ему день-деньской.

— Да вотъ что я тебѣ скажу, Петръ Ивановичъ: сна совсѣмъ таки лишился Ванюша.

— Ничего, ничего, онъ малый смысленный, умный, весь въ меня. Скоро мнѣ помогать будетъ. Приспособлю его по моему дѣлу, по мучной части.

Мать не возражала отцу, а въ душѣ думала, что другая будущность предстоитъ ея любимцу.

Баня все свободное время проводилъ или за книгами, или стругалъ ножичкомъ разныя мудренныя штучки. Дьячекъ не могъ нахвалиться смысленностью и прилежаніемъ мальчика. И когда отецъ Вани пришелъ за нимъ, находя, что сына пора уже приспособить къ торговлѣ, учитель грустно сказалъ ему:

— Смышленный малый твой Иванъ; больно [понятливъ и куда охочъ къ ученью. Не грѣхъ бы его по ученой части пустить.

— Ну нѣтъ, это зачѣмъ же? грамотный и намъ требуется; я самъ человѣкъ темный, на Ванятку всю надежду возлагаю.

На другой день отецъ съ гордостью повелѣлъ мальчика въ лавку и поставилъ его за стойку.

Ваня прежде съ любопытствомъ приглядывался къ своей новой обстановкѣ, но вскорѣ страсть къ струганью отвлекла его отъ дѣла. Чуть покупателя нѣтъ въ лавкѣ, онъ не стоитъ у входа, не зазываетъ мимо проходящихъ, а заберется за мучные мѣшки и забывъ обо всемъ на свѣтѣ чертитъ мѣломъ что-нибудь на полу или вырѣзываетъ перочиннымъ ножомъ.

— Ванька, Ванька! кричить отецъ, а мальчикъ и не слышать.

— Иванъ! Куда запропастился? сердито раздается голосъ отца.

Напрасно; Ваня ко всему теперь глухъ; его глаза блестятъ восторгомъ, онъ торопится докончить удавшуюся ему толчею.

— Такъ вотъ ты тутъ чѣмъ занимаешься, негодяй! раздается надъ самыми ушами мальчика. Ребенокъ вздрогнулъ и выронилъ изъ рукъ почти готовую, искусно сдѣланную толчею. Игрушка покатила къ ногамъ отца. Упавъ изъ рукъ его и перочинный ножикъ; забывъ страхъ передъ отцомъ Ваня быстро поднялъ и спряталъ свое сокровище—ножикъ.

— Батюшка, виновать... твердилъ мальчикъ.

— Только и слышишь отъ тебя: батюшка, виновать! а что мнѣ отъ этого. Малый до десяти лѣтъ дожилъ, а ума словно у двухлѣтняго. Все бы ему въ игрушки играть.

Ваня грустно смотрѣлъ на свою работу и хотѣлъ было ее поднять.

— Брось, бездѣльникъ! какъ ты смѣешь! кричалъ отецъ. Уйди лучше и скройся съ глазъ моихъ! Убирайся домой и не смѣй показываться.

Тихо пошелъ мальчикъ домой и придя къ матери забился въ темный уголъ. Ему было очень грустно, что онъ разсердилъ отца и досадно на себя за то, что онъ не умѣлъ угодить ѣму.

— Ванюша! аль прогналъ батюшка? тревожно спрашивала его мать.

— Да, опять прогнѣвилъ батюшку, толчею стругалъ. И вспомнивъ все и гнѣвъ отца и утрату почти оконченной работы, мальчикъ горько заплакалъ.

— Не плачь, дитятко, не плачь, дорогое, а вотъ лучше сбѣгай-ка да налови въ пруду отцу карасиковъ, а я ему свѣженькіе-то изжарю.

Петръ Ивановичъ въ то время принималъ у себя въ лавкѣ богатаго купца и жаловался ему на сына.

— Что ты, Петръ Ивановичъ, хмурый какой? Кому ты это страху задавалъ?— Я отъ сосѣда слышалъ твой окрикъ! говорилъ вошедшій покупатель.

{— Какъ же не кричать? скажи, ты человѣкъ разумный. Парень мой, Ванятка, все балуетъ. Проку изъ него не будетъ никакого.

— Что, аль грубить? можетъ по малоумію; глупъ, что ли, по просту сказать?

— То-то нѣтъ, больно смышленъ, и первый грамотѣй у насъ здѣсь во веѣмъ посадѣ. Не смотри, что малъ, а и старикамъ помогаетъ: прочесть, аль написать что. Да вотъ только по лавкѣ плохъ. Помощи мнѣ отъ него по моему торговому дѣлу никакой.

— Значить балуется? баклуши бьетъ? собакъ аль голубей гоняетъ?

— Нѣтъ, мальчишка тихій, а вотъ только страстишка водится за нимъ: все что-то стругаетъ да точить. Да вонъ гляди: на полу его мастерство валяется. А сколько я этого добра пожогъ, а онъ все не унимается. Да я выбью дурь-то эту изъ головы, пусть не прогнѣвается! Забудетъ онъ у меня мельницы строить.

Купецъ поднялъ валявшуюся толчею и началъ внимательно ее осматривать.

— Эка мастерская штучка! какъ есть, ни дать, ни взять, настоящая толчея.

Петру Ивановичу пріятно было не поддѣльное восхищеніе работой сына и онъ уже мягче сказалъ:

— Да ужъ такія диковинныя вещи дѣлаетъ. Не къ лицу только намъ это ремесло; лучше бы торговлею занимался.

— Сдѣлай одолженіе, Петръ Ивановичъ, подари ты мнѣ эту штучку, ребятишки вдоволь наиграются ею.

— Бери, бери, авось мальчишка опомнится и выкинетъ изъ головы дурь.

И довольный покупатель унесъ ее съ собою.

Вотъ почему Ваня, пробравшись тихонько въ лавку не нашель тамъ больше своей работы.

II.

Обѣдъ давно былъ готовъ въ домѣ Кулибина, ждали только главу семьи Петра Ивановича. Только онъ вошелъ внесли и миску съ горячими щами. Хозяинъ былъ очень голоденъ и поторопился скорѣе сѣсть за ѣду. Всѣ заняты были своими мыслями и никто не говорилъ. Но только положить отецъ ложку и отеръ губы, собираясь бранить сына, хозяйка поторопилась внести сковороду жареныхъ карасей. Это было любимое кушанье Петра Ивановича и привело его въ хорошее настроеніе.

— Ну хозяйюшка, ты таровата что-то стала; небось уйму денегъ отсчитала за такихъ великановъ?

— И что ты, Петръ Ивановичъ? да и гдѣ такихъ добыть? Нѣшто къ господскому столу гдѣ наловятъ, а въ пасадѣ на рынкѣ у насъ и не увидишь!

— Такъ откуда же караси? спросилъ съ недоумѣніемъ хозяинъ.

— Да вотъ твой сыночекъ Ванюша наловилъ для твоего здоровья въ нашемъ пруду.

— Шутить ты, что ли, вздумала со мной, глупая баба. Да и Ивану я не дуракъ достался, чтобъ меня морочить.

И онъ сильно разсердился; не позволить онъ смѣяться надъ собою. Хорошо знаетъ онъ, что въ лужѣ зеленой воды, которая только вонь распространяетъ въ его запущенномъ саду, не только такихъ карасей, а и никакихъ не можетъ быть.

— Не изволь гнѣваться, батюшка, не морочимъ мы тебя. Ты во все то лѣто и не закахивалъ въ нашъ садъ, а Ваня тѣмъ временемъ исправилъ прудъ, вода-то въ немъ теперь свѣжая, какъ слеза чистая, карасей и рыбы всякой много.

Ваня застыдился, а мать съ любовью и лаской смотрѣла на своего первенца.

— Впрямь ты, Ванятка, маменькинъ сыночекъ! Видно ей ты поболѣ помощникъ, чѣмъ мнѣ, сказалъ отецъ, но уже мягко. Уходя спать послѣ обѣда, онъ погладилъ его по головѣ.

Тишина была въ домѣ, пока хозяинъ спалъ; а какъ только онъ проснулся, мать налила кружку холоднаго пѣнистаго квасу и послала сына поднести отцу. Тотъ проснулся веселый и ласково сказалъ ему:

— Ну, Ванюша, пойдѣмъ въ садъ, покажи, что ты натворилъ тамъ.

Петръ Ивановичъ больше двухъ лѣтъ не закахивалъ въ свой садъ. Онъ предоставилъ тамъ распоряжаться женѣ своей, а она рассадила огородныя овощи, кусты

съ ягодами. Самому Кулибину некогда было заниматься своими домашними дѣлами, все его время посвящалось торговлѣ.

Ваня бѣжалъ впереди; когда увидалъ Петръ Ивановичъ чистенькій прудъ, то въ удивленіи остановился.

— И ты это все самъ сдѣлалъ?

— Самъ, батюшка, самъ, вотъ этимъ заступомъ. Прежде прокопалъ, а тамъ и воды напустилъ, съ гордостью говорилъ Ваня.

— Откуда же ты воду взялъ?

— Это было труднѣе всего, надо было отыскать источникъ, да вотъ на той горѣ я нашелъ. Пойдемъ, батюшка, я тебѣ укажу.

Залюбовался Петръ Ивановичъ своимъ сыномъ, это былъ не тотъ вялый мальчикъ, котораго онъ привыкъ видѣть въ лавкѣ. Тамъ онъ равнодушно вѣшалъ муку, считалъ выручку, а здѣсь онъ оживился:

— Пойдемъ сынокъ, пойдемъ, говорилъ ласково отецъ. И Ваня привелъ его на гору къ ключевой водѣ. Вырытъ былъ довольно глубокой колодезь, заглядѣлся отецъ на искусно сдѣланную плотину. Хотя бы и взрослому сдѣлать такъ: по каналу вливалась вода въ прудъ, а изъ пруда устроены были плузы.

— Молодецъ, молодецъ! да ты парень съ головой! ловко все смастерилъ!

— Вотъ тутъ, батюшка, погляди, я маленькую мельницу поставить задумалъ, и толчею сегодня додѣлывалъ, совсѣмъ была уже готова.

— Такъ ты и мельницы, и толчеи все сюда готовилъ, а я ихъ ломалъ, да жегъ, думалъ балуешься! Жаль, Ванюша, занято было поглядѣть, какъ ты съ этимъ справился бы: съ прудомъ нельзя лучше сладить.

— И съ мельницей слажу, батюшка, и скоро слажу, а ты тогда изволь поглядѣть.

Мальчикъ съ любовью и довѣріемъ смотрѣлъ теперь на отца; они стали ближе другъ къ другу.

Возвращаясь отецъ уже мягко замѣтилъ:

— Вотъ коли бы ты такое старанье приложилъ къ моему дѣлу—торговлѣ. Супротивъ насъ тогда никого бы и не было.

Ваня опять застыдился и низко опустилъ голову. Съ этихъ поръ отецъ сталъ смотрѣть сквозь пальцы на его мастерство. Иногда только подъ сердитую руку выбрать его, но игрушекъ больше не ломалъ.

Вскорѣ Ваня опять повелъ его въ садъ, гдѣ на прудѣ стояла мельница о двухъ поставахъ и толчея. Вода вертѣла колесо, а колесо ворочало жерновъ, который молоть зерна. Петръ Ивановичъ пришелъ въ восторгъ и показлъ кой-кому изъ своихъ знакомыхъ. Провѣдали объ этомъ и посадскіе ребяташки и черезъ заборъ стали лазить, чтобъ поглядѣть на диковинную игрушку.

III.

Время шло быстро и маленькому Ванѣ уже исполнилось 17 лѣтъ. Все по прежнему не лежала его душа къ торговлѣ; только этимъ онъ и огорчалъ своего отца, который все надѣялся, что съ годами сынъ образумится и усердно займется дѣломъ. Тяжело было и молодому Кулибину не исполнить желаніе отца, тѣмъ болѣе, что онъ замѣчалъ, какъ того это печалило. Часто Иванъ добросовѣстно принимался за торговлю, но не надолго: опять страсть къ чтенію овладѣвала имъ. Онъ утѣшалъ себя, что когда онъ научится, тогда и отецъ примирится съ нимъ. Цѣлые дни проводилъ онъ за чтеніемъ, читалъ все, что попадалось подъ руку, съ большимъ трудомъ доставая книги. Узналъ про исторію Ломоносова, вполне понималъ его:

— Матушка, слышали ли о томъ, какъ одинъ рыбакъ издалека пришелъ въ Питеръ пѣшкомъ, и тамъ всему научился и теперь извѣстенъ сталъ, книги пишетъ. Всѣ знаютъ Ломоносова, даже матушка Государыня!

Вскорѣ случайно попала въ посадъ Нижняго книга сочиненія Ломоносова. Краткое руководство къ познанію простыхъ и сложныхъ машинъ.

Принялся Кулибинъ за чтеніе, но увы! книга написана на непонятномъ для него языкѣ, ему не ясенъ книжный языкъ Ломоносова. Многое хотѣлось ему уяснить, да не у кого спросить, прежній учитель дьячекъ самъ давно уже о всемъ допытывается у своего бывшего ученика. Что дѣлать? приходилось самому доходить до всего.

На Соборной колокольнѣ были большіе часы; сильно интересовали они Кулибина. Онъ взбирался къ часамъ и подолгу просиживалъ, желая понять причину движенія стрѣлокъ.

Послѣ одной такой прогулки Иванъ Петровичъ грустно возвращался къ себѣ. Проходя мимо дома одного сосѣда онъ вдругъ услышалъ тиканіе стѣнныхъ часовъ. Не долго думая Кулибинъ вошелъ къ сосѣду и остановился въ восторгѣ передъ стѣнными часами. Всѣ въ посадѣ знали страсть Кулибина ко всякимъ штукамъ, поэтому и сосѣдъ добродушно смотрѣлъ на Ивана.

— Ты что парень заглядѣлся. Дивная это штука я тебѣ скажу; да ты никогда что ли не видалъ часовъ?

— Такихъ не видалъ. Не знаешь ли ты: отчего они идутъ?

— Чудной ты парень! это ты такой пытливый. А я вѣдь ихъ купилъ, а не самъ дѣлалъ.

— Какъ бы мнѣ допытать, отчего они ходятъ? все спрашивалъ Иванъ.

— А по мнѣ отчего они ходятъ все единственно, а

вотъ коли стануть-то бѣда, хоть крикомъ кричи, тутъ никто не исправитъ, нѣту такого мастера.

— Дай мнѣ ихъ на поглядѣнье, сдѣлай такую милость; я тебѣ берусь ихъ тогда завсегда чинить. Дня на два не болѣ, одолжи!

— Кому другому ни въ жизнь не далъ бы, вѣдь штука эта нѣмецкая, мудреная. А тебя, парень, уважу; больно хитеръ ты, чего добраго и самъ такіе смастеришь.

— Сосѣдъ спокойно поручалъ свое сокровище Ивану, такъ какъ всѣ въ посадѣ знали его за очень искуснаго мастера. Сколько разъ и хозяину часовъ онъ оказывалъ немаловажныя услуги: то винтикъ поправить, то письмо напишетъ, аль счеты сведетъ. А Кулибинъ почти бѣгомъ пустился съ своею драгоцѣнною ношею къ себѣ домой и не заходя къ родителямъ, забывъ и объ обѣдѣ возвратился къ себѣ на чердакъ и тотчасъ сталъ разбирать механизмъ часовъ.

IV.

Кулибинъ заперся теперь въ своемъ углу: у него была крошечная свѣтлица на чердакѣ; тамъ онъ могъ свободно заниматься своимъ любимымъ дѣломъ. Свѣту и удобства было мало, но за то здѣсь онъ былъ хозяинъ; здѣсь могли валиться разныя колесики, шестерни, сюда не достигалъ грозный крикъ отца; сюда же принесъ онъ свое сокровище — часы и не теряя минуты сталъ дѣлать изъ дерева перочиннымъ ножомъ колеса. Много труда надо было положить на то, чтобы вырѣзать ножомъ зубцы на колесахъ и шестерняхъ. Такъ иногда удавалось ему уже тридцать или сорокъ зубцовъ, а сорокъ первый ломался и тогда приходилось опять начинать съизнова. Часы со-сѣда были возвращены, а его, сдѣланные по образцу тѣхъ были готовы и онъ ожидалъ только того момента,

чтобы повѣсить ихъ и завести. Но какъ не трудился надъ ними Иванъ, часы не пошли. Это было и вполне понятно: весь механизмъ въ нихъ былъ сдѣланъ только съ помощью ножа и зубцы хотя на видъ и казались одинаковы, могли быть и не совсѣмъ ровны. И такъ трудъ его пропалъ! Но это не отняло у него желаніе добиться своего. Только и думалъ онъ теперь гдѣ бы найти часовщика; не только въ посадѣ, но и въ Нижнемъ не было ни одного, а объ поѣздкѣ въ Москву онъ не смѣлъ и мечтать.

Сидѣлъ онъ разъ задумавшись у себя на верху, какъ вдругъ услышалъ тяжелые шаги по лѣстницѣ. Неужели отецъ? подумалъ онъ. Ужъ не случилось-ли что? Въ эту минуту въ самомъ дѣлѣ вошелъ къ сыну Петръ Ивановичъ. Онъ могъ, конечно, призвать его къ себѣ внизъ, а не беспокоиться самому подниматься къ нему. Но любопытство заставило его самого придти сюда. Старикъ осмотрѣлъ свѣтелку, увидалъ деревянные стѣнные часы и только добродушно улыбнулся, а ничего не сказалъ.

— Иванъ, на-дняхъ ты поѣдешь въ Москву, снаряжайся, и Петръ Ивановичъ пытливо смотрѣлъ на сына.

— Батюшка! я—въ Москву? да вы шутите?

— Чего шучу? нашъ посадъ тебя снаряжаетъ и отправляетъ; кой-какія дѣла тамъ надо порѣшить, такъ вотъ тебѣ и поручаютъ.

— Батюшка! все исполню, что прикажутъ, только бы попасть въ Москву.

— Ты у насъ первый грамотѣй, ну да и парень-то съ головой, что и говорить; ужъ коли ты не сдѣлаешь, супротивъ тебя и некому!

Поѣздка въ Москву была въ то время дѣломъ не легкимъ: желѣзныхъ дорогъ не было, приходилось ѣхать на лошадяхъ и отъ Нижняго до Москвы было безостановочнаго пути цѣлую недѣлю. Много хлопотъ было хозяйкѣ,